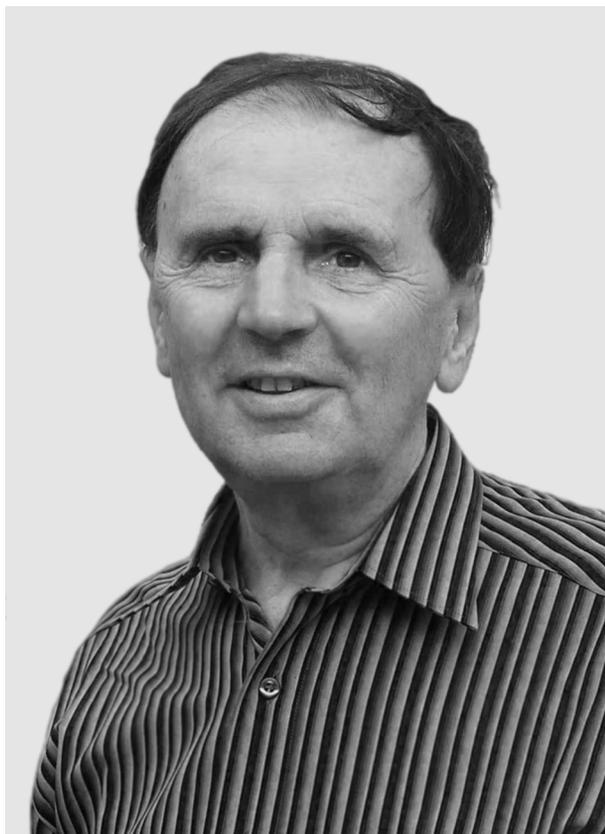

ЮБИЛЕИ УЧЕНЫХ

АКАДЕМИК АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАЛИЗНЯК
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

Имя академика Андрея Анатольевича Зализняка не нуждается в представлении. Ему принадлежат труды первоочередной важности по синхронному описанию русского языка, его истории, языковой типологии. “Русское именное словоизменение”, “Грамматический словарь русского языка”, “От праславянской акцентуации к русской”, “Древненовгородский диалект” – ко всем этим работам 1960–1990-х годов применимо в иных случаях слишком громкое, но здесь полностью уместное и имеющее вполне конкретное содержание слово “классика”; ссылки на эти книги присутствуют практически во всех современных работах по русской морфологии, по истории русского ударения, по древнерусскому языку. Уникальна судьба “Грамматического словаря”. Книга, составленная вручную в эпоху, когда компьютерная эпоха считалась далёким будущим, и замыш-

лявшаяся автором как узко специальная малотиражная работа, десятилетие-другое спустя стала основой практически всех программных систем по морфологическому анализу письменного текста. Научное значение работ Зализняка подробно освещено в двух специальных статьях: С.А. Крылов. “Русское именное словоизменение” А.А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии (А.А. Зализняк. “Русское именное словоизменение” с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: “Языки славянской культуры”, 2002, с. 699–748) и В.М. Живов, В.А. Плулган. “О лингвистических трудах А.А. Зализняка” (Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005, т. 64, № 3, с. 3–12 – статья к предыдущему, 70-летнему юбилею). Не повторяя содержащихся в них фактов, сведений и оценок, к которым мы полностью присоединяемся, обратим особое внимание на научную и просветительскую деятельность Андрея Анатольевича в 2000-е годы.

В эти годы Зализняк создал две крупные монографии. Выдержавшая в 2004–2008 гг. три издания книга “Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста”, по оценкам десятков филологов и историков, ставит точку в продолжавшемся десятилетия споре вокруг подлинности этого памятника. Её значение особенно хорошо заметно при сравнении с самой выдающейся работой, претендовавшей до того на такую роль (и действительно во многом её сыгравшей) – “La geste d’Igor” под редакцией Р.О. Якобсона, крупнейшего русского филолога XX века. Решительно отвергая все положения Андре Мазона, Якобсон, однако, привлекает аргументы разной реальной весомости – от абсолютно бесспорных до основанных на коньектурах и необщепризнанных реконструкциях – как совершенно равноправные и твёрдо “установленные наукой” факты. Общая риторическая конструкция его работы (и других статей на ту же тему, вошедших в IV том его “Selected writings”) направлена на ниспровержение оппонента как совершенного профана в избранной им научной сфере, полностью одинокого в своём экзотическом мнении. Такая структура не внушает доверия со стороны беспристрастного читателя.

¹ Статья написана в Вюрцбургском университете при поддержке Фонда Александра Гумбольдта (Германия)

Совсем иначе строит свою книгу Зализняк. Во-первых, с самого начала Зализняк ограничивается только лингвистическими вопросами как самыми надёжными и точными во всей гуманитарной сфере, не касаясь трудно формализуемых проблем поэтики, образного строя, литературной традиции, которым посвящена большая часть полемике между Якобсоном и Мазоном. Во-вторых, Зализняк ставит вопрос о границах гуманитарного доказательства и о весомости разного рода аргументов. Мы еще будем говорить о том, что, с нашей точки зрения, это работа не только по лингвистике, но и по методологии и философии науки. Автор строит изложение “от противного”, с позиции скепсиса, предположив, что некий Аноним подделал “Слово” в екатерининскую эпоху, но при этом предельно осторожно подходит к статусу всех аргументов как за, так и против такого сценария; все аргументы “за” подлинность Слова, основанные на чтении “тёмных мест”, конъектурах, этимологиях варваризмов и т.п., признаны слабыми или вовсе исключены из рассмотрения (для Якобсона каждый из них по отдельности полностью закрывает вопрос). Даже на каждый сколь угодно сильный аргумент в пользу подлинности “Слова” (например, говорящее о вторичности “Задонщины” статистическое распределение союзов в этом памятнике) приводится теоретически возможный контраргумент – каким образом Аноним всё же мог создать наблюдаемый текст, работая в XVIII в. Работы скептиков, пусть даже слабые, изучаются “с безусловным априорным уважением”. В результате возникает предельно ясная картина: если “Слово” создано мистификатором екатерининского века, то этот человек оказался неведомым миру гением, на два века опередившим своё время. И даже более того – он владел знаниями о древнерусском языке отнюдь не среднего студента или кандидата наук, а, пожалуй, самого Андрея Анатольевича и очень немногих других наших современников. Вероятность этого теоретически не равна нулю (гуманитарные науки – искусство нестроого доказательства!), но каждый читатель волен оценивать её практически.

Книга “Древнерусские энклитики” выросла из одного из сюжетов предыдущей монографии, посвящённого исследованию энклитических местоимений в “Слове” (пионерские исследования в этом направлении Зализняк предпринимал и раньше; здесь, надо назвать прежде всего разделы, посвящённые языку берестяных грамот, в VIII и IX томах серии “Новгородские грамоты на бересте”). Это основывающийся на огромном корпусе обследованных *de visu* и подвергнутых статисти-

ческим подсчётам источников подробный анализ факторов, определяющих употребление энклитических местоимений в древнерусском языке. Как отмечалось в рецензии на книгу (П.В. Иосад, “Вопросы языкознания”, 2009, № 5, с. 132–136), А.А. Зализняк независимо от современных западных теоретиков представляет законченную стройную теорию синтаксических и иных правил, дополняющих и уточняющих хорошо известный специалистам закон Вакернагеля, при этом труд Зализняка имеет то важное преимущество, что правила эти сформулированы на языке, не зависящем от теории, использующем ряд интуитивно прозрачных и достаточно просто формализуемых понятий (“клауза”, “ритмико-синтаксический барьер”).

Ежегодно Зализняк принимает участие в Новгородской археологической экспедиции, где занимается исследованием вновь обнаруженных грамот, участвует в подготовке и редактировании новых томов издания “Новгородские грамоты на бересте”. Заслуженно известна и его педагогическая деятельность: с молодых лет, за исключением небольшого перерыва в начале 1980-х годов, связанного с прискорбным событием в истории филологического факультета МГУ – закрытием кафедры структурной и прикладной лингвистики, – он постоянно преподаёт в разных университетах – в Москве (МГУ), Женеве, Экс-ан-Провансе. Он редко выступает в роли формального научного руководителя, но многие московские лингвисты считают его своим учителем. Большую популярность получили его курсы основ различных древних и новых языков, основанные на чтении и разборе подлинных текстов.

В 1997 году А.А. Зализняк был избран академиком РАН, в последние годы получил ряд высоких государственных и общественных наград – Государственную премию РФ, Большую медаль Президиума РАН, Премию Александра Солженицына, Демидовскую премию. Хорошо известно скептическое отношение Андрея Анатольевича к наградам и почётным званиям. В речи при получении одной из премий он сказал: “Никакие звания и почести не могут нам приносить того беспримесного счастья, о котором щебечут в таких случаях нынешние средства массовой информации. Если нам их все-таки по каким-то причинам дают, нам их носить неловко”. Однако широкое признание достижений Зализняка среди лингвистов, безусловно, существует уже давно (“по гамбургскому счёту”, говоря словами из той же речи), и его высокий авторитет в научном сообществе никак не зависит от академических регалий.

За те пять лет, которые отделяют нас от предыдущего юбилея Андрея Анатолевича, выросла его известность вне среды профессиональных лингвистов. Как и многие русские филологи XX века (прежде всего хочется назвать имена Ю.М. Лотмана и М.Л. Гаспарова), Зализняк, особенно в последние несколько лет, занимается не только чисто научной, но и *просветительской* деятельностью. Перефразируя название недавней книги известного математика В.А. Успенского, можно сказать, что Зализняк видит свою задачу в создании *апологии лингвистики*. Из его работ читатель не только узнаёт о том, что лингвистика может быть интересной и полезной, но и зачастую о самом факте существования такой дисциплины. Ведь в отличие от математики, физики или даже литературоведения (с которым в России обычно её объединяют под общим ярлыком “филологии”), лингвистика не является широко известной в обществе наукой. Об этом Андрей Анатолевич не раз говорил в своих выступлениях. В школе преподают орфографию и пунктуацию родного языка (информация собственно о грамматическом строе достаточно жёстко подчинена задаче усвоения орфограмм) и обучают ряду иностранных языков. “Лингвистическими” теперь стали называть вузы, где опять-таки изучают иностранные языки. В сознании среднего образованного россиянина продолжают сосуществовать, не смешиваясь, воспринимаемые как нечто жёсткое и неизменное “правила русского языка” (сводящиеся к правописанию и реже стилистическим нормам) и владение теми или иными иностранными языками как практический навык. Ни для сравнительно-исторического языкознания (отвечающего на вопрос “какие языки являются родственными?”, “как меняются языки во времени?”, “как выглядел предок русского языка 800 лет назад?” и многие другие), ни для типологии языков (“что бывает в языках мира?”, “какие типичные структуры морфологии и синтаксиса для них характерны?”) ни в школьных программах, ни в массовом сознании нет места.

В этом смысле очень характерно, какую огромную аудиторию, растущую из года в год, собирают лекции Зализняка в МГУ, где академик рассказывает о берестяных грамотах, найденных в ходе раскопок текущего года. Более двадцати лет туда приходят люди самых разных профессий и интересов, чтобы увидеть неизменно захватывающее зрелище – как из цепочки букв, виднеющихся на бересте и выписанных на доске, с помощью зрителей, предлагающих из зала свои гипотезы, встаёт живая и каждый раз необычная картинка из жизни наших предков. То купец посылает шесть бочек

вина, приказывая проверить, не стало ли его меньше в дороге (и заодно мы узнаём, откуда взялось слово *хватит*); то сваха Милуша договаривается о помолвке дочери знатной новгородки, цитируя непривычную нам ритуальную свадебную песню; то, казалось бы, в патриархальный век жена велит мужу уgomониться и ждать, пока она со всем разберётся сама. А что же лежит между не разделёнными на слова буквами и этими ситуациями из жизни русского Средневековья? Благодаря чему мы можем восстановить яркий эпизод новгородской жизни даже из свёртка бересты, треть которого сгорела? Именно благодаря жёстким правилам лингвистики: деля текст на слова и толкуя их, мы не можем произвольно “вчитывать” туда то, что проще, или то, что нам нравится, но должны, исходя из презумпции грамотности писавшего, постоянно применять многочисленные совершенно точные знания о словаре, морфологии, синтаксисе древнерусского языка (а если надо – и других славянских, и других индоевропейских языков), а если вариантов прочтения и перевода несколько – аргументированно оценивать вероятность каждого. Мы можем даже реконструировать с высокой степенью вероятности утраченные фрагменты грамот, зная, какие слова, какие формулы в них могут встречаться, какие словоформы могли здесь и в это время кончаться на *ы*, а какие начинаться на *но*. Причём многие такие знания уточняются и пополняются на наших глазах – ведь берестяные грамоты каждый год доносят до нас многое из того, чего нет в книжных памятниках Руси, но что было обычно для живой речи. Люди, далёкие от лингвистики, узнают, что многие привычные для нас слова и обороты, как впервые показывают берестяные грамоты, были в ходу пятьсот или даже почти тысячу лет назад – новгородцы точно так же ели *колбасу*, называли один из видов агрессии *наездом* (один из любимых примеров Андрея Анатолевича), а человека по имени Максим – *Максом*. Лекции Зализняка – это не только яркое научное шоу (не будем стесняться этого слова в эпоху, когда “зрелищность” всё чаще обнажает пустоту содержания), но и прекрасный способ продемонстрировать, что такое лингвистика, как работают её строгие механизмы, как они помогают ограничивать наше воображение при чтении коротких и не всегда предсказуемых текстов на древнем языке.

В этом отношении очень интересна одна научно-популярная работа Зализняка, о которой нечасто вспоминают. Это “Послесловие лингвиста” к знаменитой, переиздававшейся неоднократно, книге историка В.Л. Янина “Я послал тебе бересту...”. В ней Зализняк как раз вскрывает ме-

ханизмы того, как мы узнаём из грамот события прошлого, описанные историком. А для этого надо, чтобы “тарабарская”, на первый взгляд, последовательность букв превратилась в стройную древнерусскую фразу, чтобы исчезли из переводов грамот (а значит, и из истории!) различные “подпоручики Кижэ”, невольно порождённые интерпретаторами-первопроходцами той эпохи, когда еще не накопилось достаточно наблюдений за языком и содержанием берестяных грамот, и многое-многое другое. И видно, насколько эта деятельность, несмотря на её творческий характер, в то же время строга, опирается на знания, подлинно научна.

Отсутствие лингвистики как науки в массовом сознании порождает многочисленные общественные фантомы. Среди них, например, уверенность в абсолютной незыблемости орфографии, словарных норм на разном уровне, преподносимых как священные “правила русского языка” (достаточно вспомнить удручающую общественную реакцию, без малейшей попытки разобраться по существу, буквально на любые попытки издания учёными новых нормативных пособий). А есть и наивное стремление людей, не знающих ничего о научной лингвистике (или с порога отвергающих её как “официальную науку”), угадать историю и родство слов, языков, а затем и народов, не пользуясь ничем, кроме собственной фантазии. Сочинения, содержание которых сводится к откровению со страницы гоголевских “Записок сумасшедшего”, пророчески помеченной 2000 годом: “Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай”, – печатаются огромными тиражами и вызывают дискуссии на телевидении и в Интернете. Недавно вышедшая книга А.А. Зализняка “Из заметок о любительской лингвистике”, собравшая несколько его статей и публичных выступлений, посвящена именно любительской лингвистике как общественному феномену. Здесь прекрасно продемонстрировано то, что для лингвистов само собой разумеется, но среднему человеку совершенно не очевидно, – почему для того, чтобы объявить один язык “произшедшим” от другого или просто родственным ему, совершенно недостаточно, чтобы в них полностью совпало одно слово, тождественное по значению; что для этого нужно гораздо больше, что это на самом деле задача высокой сложности и высокой точности, близкая к решению математической задачи. А ведь любители довольствуются и гораздо меньшим – весьма приблизительным сходством слов, ничего общего

по смыслу не имеющих. Яркая лекция Зализняка на Летней лингвистической школе о подложной “Велесовой книге”, видеозапись которой была недавно размещена в Интернете, является своего рода дополнением к его работе о доказательстве подлинности “Слова о полку Игореве”. Хорошо видно, как широко популярная в обществе грубая подделка, созданная подобным любителем, разоблачается средствами науки ничуть не менее надёжно (и гораздо проще), чем доказывается подлинность иного “сомнительного” памятника, что наука беспристрастна и умеет отличать среди претендующих на глубокую древность уникальных сочинений, лестных для национального самосознания, пшеницу от плевел.

Необходимо отметить и такую сторону деятельности А.А. Зализняка, как *апология науки*. Ведь обозначенные выше проблемы не ограничиваются лингвистикой: в современном обществе всё более распространяется презрение к объективности научных данных, своего рода релятивизм. У нас в стране это, помимо прочего, реакция на официальный культ науки, царивший в общественном сознании в советское время и сопровождавшийся, помимо высоких научных достижений, к сожалению, и поддержкой лжеучёных, в том числе и в лингвистике (не зря слова “новое учение” применительно к псевдонаучной теории А.Т. Фоменко у Зализняка звучат столь многозначительно для любого, знакомого с историей языкознания в СССР). Но мнения об отсутствии объективной истины и о том, что одно мнение “ничуть не хуже другого”, звучат в философии науки уже давно; еще выдающийся русский филолог Б.И. Ярхо в 1920-е годы, предвидя наступление иного времени, счёл нужным оговариваться, что его работы имеют смысл только в рамках “филалетической” (“любящей истину”) науки. И именно эта релятивистская позиция широких кругов общества (но также и некоторых учёных-гуманитариев) и стала предметом острой критики Зализняка в его выступлениях на самые разные темы.

Именно возможностям определения объективной истины и границам гуманитарной науки посвящена книга “Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста”, которая является, безусловно, не только лингвистическим, но и метанаучным, философским достижением. Стимулом к созданию исследования стала сама возможность сосуществования в гуманитарном пространстве объёмных работ, излагающих множество доказательств в пользу *противоположных* тезисов, которые не могут быть истинными одновременно, – например, работ сторонников подлинности “Слова” и скептиков – и связанные с этим сомнения в дей-

ственности гуманитарных методов, блестяще, на наш взгляд, развеянные книгой Зализняка. Рассуждения А.А. Зализняка о том, что значит “доказательство” в гуманитарном смысле, как в этой работе, так и в более ранней статье “Лингвистика по А.Т. Фоменко”, заслуживают включения в фундаментальные хрестоматии по философии науки. Во втором и третьем изданиях книги о “Слове...” есть несколько страниц о бесконечности свойств объекта науки (будь то текст или камень) и о невозможности полностью воспроизвести их при подделке, тем более при простой имитации без использования точного научного знания (версия ряда скептиков); подлинный текст, как показывает история изучения “Слова...”, обладает свойством обнаруживать целый ряд ранее не выявленных языковых закономерностей при их случайном контроле. Наконец, проблематике научного познания во многом посвящена лекция А.А. Зализняка при получении им Солженицынской премии. Отметив “снижение в общественном сознании ценности

науки вообще”, Зализняк сформулировал две “простейшие идеи”, звучащие “очень немодно”: 1) Истина существует, и целью науки является ее поиск. 2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Едва ли эта речь переубедит людей, чуждых поиску истины в науке, однако само ясное и чёткое формулирование этих принципов в наш век дорого стоит.

Не только огромный, первостепенный вклад в конкретную науку – лингвистику, но и большая общественная роль в создании *апологии лингвистики* и *апологии науки*, научного знания как такового – таковы достижения Андрея Анатольевича Зализняка, с которыми он встречает 75-летие. Да и сама его яркая личность является лучшей апологией лингвистики.

Д.В. Сичинава